Изуку нервничал.

…

Ладно, возможно, это не совсем соответствовало ситуации.

Изуку был и всегда был немного социально неловким, а также человеком, который, естественно, избегал внимания. К сожалению, только когда он был практически в квартале от места назначения, он понял, насколько его план прямо противоречил обеим этим вещам.

— В то время это звучало прекрасно! — рассуждал он. — Просто поднимись, постучи в дверь, спроси, работает ли там доктор Удзико и могу ли я с ним поговорить.

Да, подойдите к незнакомой двери, постучите, сосредоточьте на нем все внимание и спросите совершенно незнакомого человека, не знает ли он, работает ли в этом здании другой совершенно незнакомый человек, а затем спросите, может ли он поговорить с указанным незнакомцем. Все это совершенно нормально и легко для кого-то вроде Изуку, особенно в полночь.

…он действительно начинал жалеть, что Всемогущий спас его от злодея-слизняка.

После того, как он получил адрес от мистера Курогири, Изуку пошел домой, получил нагоняй от своей матери, поплакался на свою мать, а затем приготовил ужин для своей матери и поел вместе с ней. Его первоначальный план состоял в том, чтобы хорошенько выспаться ночью, а затем отправиться в путь утром, надеясь, что он достаточно отдохнет, чтобы не выставить себя полным дураком.

Два с половиной часа он ворочался в постели, не в силах заснуть, и решил просто покончить с этим, занеся адрес на карту своего телефона, осознав, который час, только когда решил все остальные проблемы со своим планом. Когда он замерз, устал и был меньше чем в квартале от места назначения.

Изуку издал вздох, граничащий между усталостью и раздражением.

Его "решительный" или "героический" образ мышления и его обычное мышление сильно отличались, любой, кто видел этих двоих, мог засвидетельствовать, насколько по-разному он действовал, когда переключался между ними. Смелый молодой человек, достаточно решительный, чтобы с улыбкой на лице броситься очертя голову навстречу опасности, превратился в заикающегося мальчика, который не мог даже заговорить с девушкой, не превратившись в бессвязную кашу.

Излишне говорить, что они не всегда лучше всего работали вместе. Его текущая ситуация была прекрасным примером этого. Планы, составленные, когда он был в режиме героя, как правило,

не срабатывали так хорошо после того, как это заканчивалось.

— Давай, Изуку, ты не можешь сейчас сдаваться, ты никогда не станешь героем, если не сможешь даже постучать в дверь!

Мальчик без причуд укрепил свою решимость, завернув за угол, готовясь встретиться лицом к лицу с местом, которое вполне могло содержать ответ на вопрос, за которым он гнался уже больше месяца, только чтобы найти…

— Это… это старый склад? — он ни к кому конкретно не обращался: — Нет, я… я, должно быть, указал неправильный адрес.

Это был один из единственных логических выводов, к которым мог прийти его измученный мозг. С чего бы ученому, который почти в одиночку создал основу современной теории причуд, работать в старой заброшенной бетонной хижине в центре города?

Но когда он сверился с картой, затем с адресом, затем вытащил свой клочок бумаги, чтобы перепроверить, несколько раз нажал на свой телефон, снова проверил карту, а затем повторно ввел адрес в свой телефон, к нему пришел другой логический вывод.

— Н-неужели мистер Курогири солгал мне!? — Он задумался, но нет, это тоже не имело смысла.

Что он получит, отправив Изуку в погоню за выдуманной лабораторией, плюс он назвал этого человека доктором Удзико, а не ученым Удзико, что означало, что он должен был иметь какие-то предварительные знания о докторе, которые подтверждали теорию, что он его знал.

— Ты зашел слишком далеко, чтобы сейчас струсить! — ругал себя Изуку, заставляя себя двигаться к двери. — Кроме того, что может случиться худшего?

Дарума Удзико был человеком со странностями. Если бы вы спросили его ассистентов или кого-либо еще, кто на него работал, они бы не сказали ничего откровенно негативного о докторе, но они определенно дали бы понять, что у него были свои проблемы, как и у всех остальных.

Он был властным, постоянно проверял различные проекты, которые он давал своим сотрудникам, и критиковал их по мере того, как они работали. Ему нравилось управлять на микроуровне, и, по-видимому, он был полон решимости приложить руку ко всему, что происходило, вплоть до обхода и тестирования различных приборов, чтобы убедиться, что они

работают и хорошо укомплектованы. Временами он был бесстрастен, не обращая внимания на причины или оправдания для пропуска сроков (если только это не было действительно, действительно хорошее решение). Но одно слово, казалось, всплывало гораздо чаще, чем любое другое, в приглушенных разговорах в коридорах.

Он был перфекционистом.

Теперь последнее казалось немного несправедливым. Со всеми остальными, конечно, он мог полностью согласиться, но он не был перфекционистом.

Нет, Удзико знал, что не все может быть идеально, на самом деле очень немногим это удавалось. Вот почему он вкладывал так много времени, заботы и усилий в свои творения. Они были его произведениями искусства, они были его детьми, они были его подарками своему мастеру, и однажды он создаст свой magnum opus! Свой настоящий шедевр.

Не было бы ни изъянов, ни ошибок, это было бы то, чего так мало кто когда-либо мог достичь.

Совершенство.

…

Однако.

Просто потому, что он не ожидал совершенства от своих помощников, он, безусловно, ожидал, что они будут правильно выполнять свою работу!

— Эта лаборатория должна была быть полностью настроена и запущена три дня назад, — прорычал Удзико, — Так кто-нибудь может мне объяснить, почему система безопасности ДО СИХ ПОР ДАЖЕ НЕ ЗАПУЩЕНА!

— Н-ну, сэр, мы р-работали точно по графику, д-даже опережали его на самом деле, е-еще несколько недель назад.

— О? — Доктор сделал паузу, повернувшись к храброму работнику в лабораторном халате, который прервал его - он бросил быстрый взгляд на часы, сейчас 25 минут разглагольствования. — Хорошо, тогда почему вы не сказали этого раньше? Это не значит, что это не меняет того факта, что вы теперь отстаете от графика! — Он ударил ее маленькой стопкой бумаг в руке, зарычав, когда из-за своего роста промахнулся мимо ее головы и вместо этого слегка ударил по плечу.

— С-сэр, мы можем объяснить!

— Что ж, тогда объясни. Сейчас.

— Герои. — Женщина из небольшой группы работников, которых он отчитывал последние полчаса, вышла вперед, он узнал в ней ученого, которого назначил ответственным за эту (очень незаконченную) лабораторию.

— Произошла серия ограблений, и активность героев резко возросла, нам пришлось замедлить все, чтобы избежать обнаружения. — Она сказала, крепко сцепив руки за спиной: — Это был мой приказ, сэр, если вы собираетесь кого-то наказать, то виновата я.

Доктор заскрежетал зубами и отвернулся от группы, чтобы найти, по чему ударить. Ближайшей потенциальной жертвой была картонная коробка, лежащая на земле, которая вскоре превратилась в сильно помятую коробку после быстрого удара ногой в бок.

— Герои всегда такие, Герои то… Они даже не знают, что лаборатория здесь, и, тем не менее, они, похоже, все еще одержимы желанием доставить мне проблемы! — Низкорослый гений проворчал себе под нос несколько отборных слов, прежде чем развернуться обратно к своим людям, ткнув даму своими бумагами

— Хорошо, я оставлю это без внимания. Но только в этот раз! — Толпа вздохнула с облегчением. — Итак, что вы все еще здесь делаете? Проваливайте! Беги! Возвращайтесь на свои места! Я хочу, чтобы эта лаборатория заработала к воскресенью, а не к пятнице! И если она, черт возьми, не будет сверкать, когда я приду проверить ее снова, я заставлю вас всех драить туалеты целый год! — Крикнул он, когда они все убежали с улыбками облегчения на лицах. — С ПОМОЩЬЮ ЗУБНОЙ ЩЕТКИ!.

http://tl.rulate.ru/book/99805/3447757